

Время для «Реквиема»

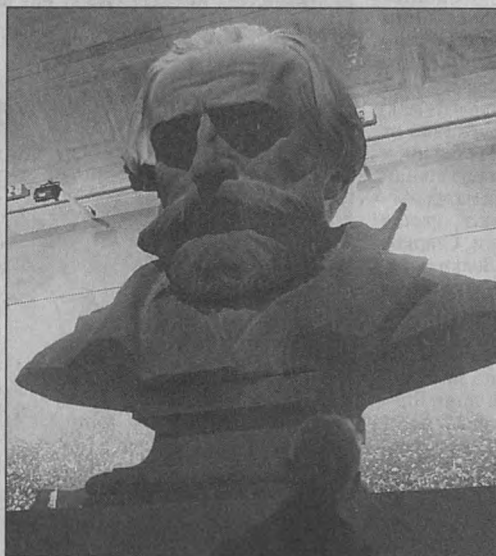
100-летие со дня смерти Верди начали гулять вовсю

На нынешний год приходится столетие смерти Джузеппе Верди, что и стало поводом ко всеобщей лихорадке, когда всякий уважающий себя музыкант стремится явить миру собственную интерпретацию чего-нибудь вердиевского. 27 января, собственно в траурную дату, театр «Новая опера» представил свою версию «Реквиема». Заупокойная месса — единственное масштабное произведение, написанное Верди не для оперной сцены, а для церковной службы. «Великий старец» панически боялся смерти. «Зачем так много работать, чтобы потом умереть?!» — восклицательно вопрошал «маэстро итальянской революции». Именно противостояние страху смерти и есть основная идея вердиевского «Реквиема». И только лишь ради «Реквиема» Верди не раз лично становился за дирижерский пульт.

Но, несмотря на религиозную форму мессы, «Реквием» с момента своей премьеры в мае 1874 года крайне редко звучит под церковными сводами. И все чаще — на всевозможных концертных подмостках. Ныне «Реквием» — одно из самых исполняемых в мире сочинений Верди. Наверное, как наиболее созвучное нашему времени...

Музыкальное пространство «Реквиема» в «Новой опере» выстроено уже давно. И главное здесь действующее лицо — дирижер. Евгений Колобов с жесткой властью и гипнотической проникновенностью правит всем, что происходит в зале. Вышколепный оркестр с очень красивым мягким звуком и стройный хор (хормейстеры — Наталья Попович и Сергей Лысенко), которому под силу и демонически темное, и ангельски светлое звучание, — вот верное войско Колобова в параде творческого эго.

На этот раз оркестр, как всегда, когда за пультом Евгений Колобов, звучал безукоризненно. Разве что за вычетом парочки инструмен-

Перед величием гения...

тальных соло. Но временами настолько громко, что солистов было не слышать. Будто бы маэстро совсем не доверял певцам. И порой абсолютно заслуженно. Квартет солистов был не только интернациональным, но и очень пестрым. Soprano, на кого приходится основная нагрузка этой семичастной мессы, солистка «Новой оперы» Татьяна Смирнова, заменившая в последний момент прихворнувшую Любовь Казарновскую, практически справилась со сложнейшей партией. Но труда во всем этом было куда больше, чем искусства. Звезда мировой оперы с афиш 80-х годов меццо Стефания Точиска — полка с австрийским паспортом, впервые приехавшая в Россию, была великолепна. Безупречно знающая свою партию, она была стильна и прочувствованна. Хотя иногда и звучала форсированно. Российский молодой бас Станислав Шве́ц практически не появляется в России, но уверенно делает первые шаги в

своей международной карьере и уже может похвастаться выступлениями на лучших сценах Зальцбурга, Парижа, Берлина, Сан-Франциско и Франкфурта. Певец вполне удачно появился и в Москве. Красивый, большой и мощный голос, видная внешность — все это его надежные союзники. Вот только жаль, интонация в его исполнении не всегда была безупречна. А что касается украшения любого итальянского сочинения — тенора, то здесь случился казус. Итальянец греческого происхождения Серджио Панайя производил скорее комическое, нежели вокальное впечатление. Немыслимым голосом он выкрикивал все верхние ноты, остальное же его пение вообще никак не соотносилось с вердиевским текстом. А если Панайя не успевал вступить вовремя (чем, правда, грешил не он один), то позволял себе иногда и вовсе постоять молча и отдохнуть. И все ансамбли, естественно, рушились уже в зачатке.

Туристы, прибывающие в Милан, хотя бы видят смертный одр Верди. Даже если это реконструкция...

Поэту даже мысль о поиске духовной сублимации великой вердиевской музыки здесь оказалась неуместной. К тому же, когда ближе к финалу Татьяна Смирнова приобрела трогательную проникновенность, она незаслуженно, да и к тому же против воли композитора, но подчиняясь дирижерскому замыслу, лишилась грандиозного эпизода «Реквиема» — Libera me. Этот фрагмент бесстрастно и фальшиво исполнила другое сопрано из «Новой оперы» — Эльвира Хохлова. Гармоничное полотно заупокойной мессы гениального Верди неожиданно было разрушено столь грубым и безосновательным вторжением. После чего маэстро Колобов на финальных аплодисментах кланялся, держа в руках партитуру. И даже сказал какие-то правильные и хорошие слова о «великом старце», ставшем против своей воли виновником всей этой суеты.